

18+

Владимир Благих

Семейные зарисовки

сборник рассказов

Владимир Благих

**Семейные зарисовки.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Благих В.

Семейные зарисовки. Сборник рассказов / В. Благих —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-701100-6

Евгений Сергеевич — таксист-философ, не умеющий читать инструкции. Мария Никитична — его жена, привычная к сюрпризам в яичнице и стеллажам на глаз. Их дети растут среди тёплых ужинов, походов в Коломенское и разговоров о Москве. «Семейные зарисовки» — сборник смешных и добрых историй о любви, которая не боится быта. Для тех, кто знает: счастье — когда тебя ждут дома, даже если ты опять забыл хлеб.

ISBN 978-5-00-701100-6

© Благих В.
© Издательские решения

Содержание

СЮРПРИЗ В ЯИЧНИЦЕ	6
БИТВА ЗА ИНСТРУКЦИЮ	8
МОЗОЛЬ И БАТОН	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Семейные зарисовки Сборник рассказов

Владимир Благих

© Владимир Благих, 2026

ISBN 978-5-0070-1100-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЮРПРИЗ В ЯИЧНИЦЕ

Я заметил: если женщина стоит у плиты и молчит — можно жить. Если она стоит у плиты и улыбается — лучше тихо уйти. Но если она стоит у плиты и что-то сыплет в яичницу с таким лицом, будто закладывает мину замедленного действия, — ты уже в квесте.

Маша стояла именно так. Яичница шипела, она сыпала красную пыльцу. Осторожно, с чувством, с толком, с расстановкой. Как археолог, который боится разрушить слой.

Я зашёл, бросил ключи, выдохнул. Стою сзади, заглядываю через плечо.

— О, яичница. А что за хлопья? Ты перец сыплешь?

Она не оборачивается. Говорит спокойно, даже слишком:

— Это не перец. Это сюрприз.

Всё. Я уже не хочу есть. Потому что «сюрприз» в еде — это либо «я добавила любовь», либо «помнишь мои духи?».

— Маш, это случайно не те духи? А то в прошлый раз ты перепутала флаконы, и я потом три дня пах, как букет в стирке.

Она обернулась. Посмотрела так, как смотрят на человека, у которого хорошая память и плохая судьба.

— Знаешь, я открыла холодильник, а там селёдка под шубой три дня пахла как букет. Ты от неё практически не отличаешься. Только у шубы нотки были свежее. А это паприка. Мы завтракаем по-испански.

Я откусил горбушку хлеба. Жую. Думаю.

— По-испански? Маш, у нас кофе в кружке с Дональдом Даком, у меня носки с оленями, на тебе халат, который помнит 2016-й. Где херес? Где томный взгляд?

— Херес у тебя вчера закончился, — говорит она, переворачивая яичницу. — А томный взгляд у меня с утра не грузится. Подожди, может, позже запустится.

Я подошёл, положил подбородок ей на плечо. От меня пахнет улицей, от неё — паприкой и чем-то домашним.

— Ладно, пусть будет загружающийся взгляд. А паприку почему красную взяла? Я же чёрный перец люблю.

Она вздыхает. Как учительница, которая в сотый раз объясняет, почему дважды два — четыре, а ученик всё равно предлагает варианты «пять» или «давайте не будем».

— Потому что красный — цвет страсти, Женя. А чёрный — цвет траура по твоему холодильнику.

Я завис. Честно. Потому что... ну, логика же железная.

— Я не забыл, — говорю. — Я проверял, умеет ли холодильник жить самостоятельно.

— Он не умеет, — вздохнула Маша. Она вздохнула так, что стало понятно: она это слышит не первый раз. — Он умирает, Женя. Медленно и громко. Там всё вытекло.

— Ну, зато теперь я знаю, что у нас есть запас молока на три дня вперёд. В жидком виде. По всему полу.

Она хмыкнула. Чуть-чуть. Уголками губ.

— Страсть, значит, — говорю. — Тогда можно мне две порции?

— Можно, — говорит Маша. — Но сначала вытри лужу. Потому что страсть страстью, а если мы не вытрем, у нас там через неделю будет своя экосистема. Со своими законами, своей валютой. Может, даже выборы президента.

Я пошёл за тряпкой.

И вот стою, вытираю эту лужу. Залезаю в холодильник, а оттуда... ну, вы понимаете. Оттуда пахнет философией. И немножко — вчерашним супом.

А на плите шипит яичница. Красная. Страстная. Испанская. С паприкой, которую я не просил.

И я думаю: вот она, большая жизнь. Начинается с маленького сюрприза в яичнице. И с того, что даже если ты забыл закрыть холодильник, тебя всё равно кто-то поцелует. Правда, сначала заставит вытереть лужу.

Но это и есть семья, да? Когда страсть и санитария идут рука об руку. Когда тебе могут сказать «ты дурак», но скажут это с улыбкой. Когда ты ешь яичницу с паприкой, хотя любишь чёрный перец, и понимаешь: она же старалась.

А яичница, кстати, была офигенная. Даже без хереса.

И без томного взгляда.

БИТВА ЗА ИНСТРУКЦИЮ

Вы замечали: если мужчина собирается что-то собрать, он сначала сделает, а потом прочитает инструкцию? Если вообще прочитает. Это не лень. Это эволюция. Наши предки мамонтов без инструкции заваливали — и ничего. А тут какой-то стеллаж из маркетплейса.

Я именно такой. Гордый потомок охотников на мамонтов. С той лишь разницей, что мамонт хотя бы не шатается после сборки.

В тот вечер Маша купила новый стеллаж в прихожую. Несла его из коридора в комнату и смотрела на меня так, как смотрят на человека, который сейчас будет сдавать экзамен на профпригодность. Причём устно, без подготовки и с закрытыми глазами.

— Жень, тут написано «собрать за 30 минут», — сказала она, ставя коробку у моих ног. — Ты справишься?

— Маш, — я обиделся, и даже немного, — я таксист. Я за 30 минут могу пассажиров с пол-Москвы собрать, не то что стеллаж. Я маршруты прокладываю, я пробки объезжаю, я такие манёвры делаю — любой бы позавидовал.

Она вздохнула. Тихо так, по-Машиному. Знаете этот вздох? Это не просто выдох. Это комбинация из «я тебя люблю», «ты мой дурак» и «сколько это ещё будет продолжаться».

— Только инструкцию почитай сначала. Хорошо?

— Конечно, — сказал я и открыл коробку с таким видом, будто сейчас покажу класс.

Дальше было как в тумане. Детали, шурупы, какие-то металлические палки, которые явно жили своей жизнью. Я решил не мелочиться — собрал на глаз. Как художник. Как скульптор. Как человек, который видит прекрасное там, где другие видят груды металлолома.

Через 40 минут стеллаж стоял. Криво, но стоял. Если смотреть с определённого ракурса. Если прищуриться. Если вообще не смотреть.

— Жень, — Маша появилась в дверях, — а почему он качается?

— Он не качается, — сказал я с уверенностью человека, который врёт сам себе. — Это у тебя голова кружится от красоты.

Я толкнул конструкцию рукой. Стеллаж издал звук, похожий на предсмертный хрип человека, который видел лучшие дни. Или на скрип души, которую только что продали за шурупы не того диаметра.

— Ты инструкцию читал?

— Маш, там всё понятно. Я по картинкам.

— По каким картинкам? Там одна картинка — готовая полка. Без этапов.

— Ну, я дорисовал в голове, — говорю. — Я же творческий.

Я заглянул в коробку. Инструкция лежала там, девственно чистая, даже не открытая.

— Жень, — она посмотрела на меня и улыбнулась, — ты когда в последний раз что-то собирал по инструкции?

Я задумался. Кажется, в прошлой жизни. Или когда инструкции ещё на папирусе писали.

— Ладно, — Маша подошла к стеллажу, покачала его, вздохнула. — Давай разбирать. И читать. Вместе.

— Слушай, — говорю, — а может, просто гвоздём прибить к стене? Надёжно же. И быстро. И символично.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Таким, каким смотрят на любимого, но немного уставшего от жизни идиота. Знаете, когда любовь есть, а сил объяснять уже нет.

— Жень, стеллаж — это не гвоздь. И стена — не повод для экспериментов. Стена — это невестка, с ней надо деликатно.

— А гвоздь — это жених, который пришёл и сразу к делу, — не удержался я.

Она засмеялась. Выиграл.

Мы разобрали мою конструкцию за 15 минут. Это был не разбор, это была археологическая экспедиция. Слой за слоем. Деталь за деталью. Я чувствовал себя археологом, который нашёл руины древней цивилизации и теперь пытается понять, зачем они построили храм размером с полфутбольного поля и полным отсутствием входов.

Собрали заново по инструкции — за 25. Стеллаж стоял ровно, не качался, даже выглядел почти как на картинке. Если не присматриваться. Если не включать свет. Если закрыть глаза.

— Слушай, — говорю, — а может, нам теперь всё по инструкции делать? Ну, чтобы не позориться.

— Например?

— Ну... я не знаю. Спагетти варить по инструкции на пачке. Кофе заваривать по инструкции к кофемашине. Жить по инструкции к жизни, если такая есть.

— Женя, — она улыбнулась, — кофемашину ты тоже без инструкции включил. И она потом три дня чихала кофейной гущей. У нас вся кухня была в кофейной крошке. Соседи думали, мы наркотики и мелем что-то запрещённое.

— Это была проверка, — сказал я. — Она прошла?

— Она выжила, — Маша чмокнула меня в щёку. — Как и я рядом с тобой. Хотя иногда, знаешь, хочется тоже выдать звук, как тот стеллаж.

И ушла в комнату.

А я остался стоять перед стеллажом. И думал: в семейной жизни, наверное, тоже есть своя инструкция. Только её никто не пишет. Или пишут, но мы, мужчины, всё равно сначала собираем на глаз, а потом удивляемся, почему всё шатается.

Но если рядом есть человек, который потом мягко скажет «давай разбирать вместе» — значит, всё собрано правильно.

Даже если криво.

Даже если потом придётся переделывать.

Даже если ты — тот самый стеллаж, который шатается, но его всё равно любят.

Кстати, стеллаж стоит до сих пор. Я на него смотрю и горжусь. Почти по инструкции. Почти.

МОЗОЛЬ И БАТОН

Евгений Сергеевич крутил баранку своего жёлтого кроссовера и в десятый раз смотрел на навигатор. Час пик в центре Москвы давно рассосался, но заказа в сторону дома всё не было. Он уже проехал Садовое кольцо, свернул на Тверскую и теперь полз где-то у «Пушкинского», вяло поглядывая на тротуары, по которым спешили по домам счастливики, у которых есть метро.

— Эх, китаец ты мой, — вздохнул Женя, поглаживая кожу торпедо. — Хоть бы кто в Кунцево захотел.

Телефон зажужжал. На экране высветилось «Маша». Женя улыбнулся и ткнул кнопку на руле.

— Маш, привет. Ты чего не спишь?

— Жень, ты где? — голос у Марии Никитичны был слегка взбудораженный. — Ты хлеб купил? Я утром смотрела — батон последний доели, на бутерброды завтра совсем ничего.

Женя хлопнул себя по лбу.

— Ой, твою ж... Я же хотел! У «Пятёрочки» проезжал, когда пассажира вёз, и забыл. Думал, потом. А оно вон как.

— Ну Жень... Аня утром просила бутерброды в школу. Я думала, ты возьмёшь.

— Да возьму, возьму! — засуетился он. — Только вот заказ поймаю и сразу. Или по пути куплю.

— Только смотри, не оставь его в машине, как в прошлый раз. Я потом три дня искала, куда батон испарился. А он у тебя в багажнике две недели пролежал, уже в плесени.

— Ладно, ладно, — засмеялся Женя. — Положу прямо на панель, чтоб перед глазами был. А ты чего не ложишься? Уже полдвенадцатого.

— Да Аня никак не засыпает, — вздохнула Маша. — То пить, то читать, то ещё что-то. Ты давай приезжай быстрее, а? А то я уже сама клевать носом начинаю.

— Еду, еду, — Женя выглянул в окно, будто это могло ускорить появление заказа. — Сейчас поймаю что-нибудь...

— Жень, слушай, у меня телефон разряжается, — вдруг быстро заговорила Маша. — Процентов пять осталось. Если что, я не перезвоню. Ты давай, купи хлеб и дуй домой. И чтоб без приключений!

— Понял, командир, — улыбнулся он. — Хлеб будет. Сам буду. Целую.

— И я. Давай быстрее...

В трубке щёлкнуло, и пошли короткие гудки. Женя убрал телефон и с удвоенной энергией уставился на планшет с заказами.

— Ну давай, родимый, — прошептал он экрану. — Кунцево, Кунцево, Кунцево...

И словно по волшебству, на планшете высветилось: «Заказ: от метро Пушкинская до улицы Истринская, Кунцево».

— Есть! — Женя довольно хлопнул по рулю и тронулся с места.

Через полчаса он уже подъезжал к дому, сжимая в руке свежий батон, купленный в круглосуточном магазине у метро «Молодёжная». Дома горел свет в окне спальни.

Женя припарковал авто, поднялся на шумном лифте, зашёл в квартиру, тихо прикрыл дверь. В прихожую выскользнула Маша в халате, с заспанными глазами, но улыбающаяся.

— Припёрся, таксист, — шепнула она.

— А то, — Женя протянул батон, как трофей. — Хлеб, как заказывали. Не забыл, не потерял, не съел по дороге.

Маша взяла батон, чмокнула мужа в щёку и улыбнулась.

— Молодец. Иди спать. Завтра бутерброды будут.

Женя скинул куртку, устало улыбнулся. Маша вдруг протянула ему левую руку. На указательном пальце красовалась ярко-красная мозоль, прямо у основания.

— Во, смотри, — она обиженно надула губы. — Колбасу резала. Нож туповат, а я упёрлась, чтоб ровненько получилось. И натёрла. Больно, между прочим!

Женя взял её руку и осторожно подул на больное место.

— Бедная моя Мурочка, — протянул он с улыбкой. — Героиня труда. Надо было меня дожидаться, я б порезал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.